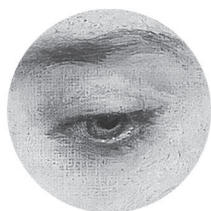

АЛЕКСАНДРА АНГЕР

ПРОЩАНИЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А64

Обложка *Владимира Безкровного*

Ангер, Александра.

А64 Прощание / Александра Ангер. — Москва : Ангер А.,
2025. — 208 с.

ISBN 978-5-600-04913-0

Как бы вы прожили жизнь, если бы могли забирать чужую боль?

Молодой мечтатель и пожилой самоубийца случайно знакомятся в уборной торгового центра. Первый стремится разобраться в долгой, драматичной истории жизни незнакомца и хотя бы ненадолго забыть об одиночестве.

Второй хранит в саквояже рассказы о загадочных и трагичных судьбах, любви и потерях случайных попутчиков, близких друзей, родных. Эти истории способны изменить представления о долге, добре и справедливости, но главное — избавить от горечи утрат...
Всех, кроме него.

«Займитесь делом — живите! Живите!»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-600-04913-0

© Александра Ангер, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Плане

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	10
Электроалкоголь	15
ГЛАВА III	19
Машинист	21
ГЛАВА IV	27
Ш.	32
ГЛАВА V	36
Тень.	38
ГЛАВА VI	43
Пески.	46
ГЛАВА VII	54
Всё это было давно	57
ГЛАВА VIII	69
Русалка	72
ГЛАВА IX	86
Звёзды	90

ГЛАВА X	98
Анэмпатія	102
ГЛАВА XI	107
ГЛАВА XII	116
ГЛАВА XIII	121
ГЛАВА XIV	127
ГЛАВА XV	133
ГЛАВА XVI	138
ГЛАВА XVII	143
Мать и Тень. Акт I	145
ГЛАВА XVIII	154
Мать и Тень. Акт II	156
ГЛАВА XIX	163
Мать и Тень. Акт III.	165
Монета	173
ГЛАВА XX	186
Мать и Тень. Акт IV	193
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	203

ГЛАВА I

Ты никогда не знаешь, где встретишь самоубийцу. Если бы меня попросили составить список истин, которые я раз и навсегда усвоил в тот день, я начал бы с этой. Довольно интригующий пункт. В сущности, большинство из нас вообще ничего не знает о самоубийцах. Когда мы слышим о ком-то из них в новостях или подкастах, видим их в кино или оплакиваем, бездумно романтизируем или осуждаем, мы нисколько не приближаемся к ним. Мы всё ещё живём параллельной жизнью людей, принявших решение продолжать дышать. Во всяком случае, сегодня.

Истина вторая: рубашки не рвутся в реальности так же хорошо, как в кино.

— Что? Что за...

Я произнёс это минимум трижды, прежде чем понял, что шевелю губами без звука, как агонизирующая на суше рыба. Манжета поддалась, и от неё наконец с треском потянулась ворсистая хлопковая спираль. Я обмотал его руку над локтем и затянул самодельный жгут так сильно, как только смог.

— Молодой человек... — Работа его связок порождала режущий слух свист, и всё-таки говорил незнакомец удивительно живым для старика голосом. — ...не имел счастья расслышать, что вы сказали.

Он взял паузу, надеясь отдышаться.

— Хотите знать, что происходит? Присядьте. стакан воды, сигарета — и я расскажу вам всё.

* * *

Утром я был трижды ранен в плечо и всего разок — в грудь. Говорят, для первой тренировки это не так уж и плохо. Если вдуматься, всё кажется игрой только до поры до времени, и я предупреждал: не хожу ни в боулинг, ни в бильярд, ни в лазертаг просто потому, что слишком быстро забываюсь и слишком близко к сердцу принимаю происходящее. Вот и сейчас стоило попрощаться и подняться наверх, чтобы умыться и напомнить себе, где я.

Я снял маску, повесил её на крючок одной из вешалок у входа и поднырнул под линияющую сетку с криво начерченной табличкой: «Стоп! Проверьте себя: сдайте маску, жилет, очки, наушник и оружие». Туалет закрыт на ремонт. Чёрт, придётся в этом «околотрансе» идти до торгового центра.

— Эй! Уже уходишь?

Муж сестры отложил винтовку и вытащил из нагрудного кармана пачку сигарет. Он неопределённо махнул рукой в сторону блиндажей, всматриваясь в меня сквозь лохмотья сетки:

— Может, по одной? Как тебе? Надеюсь, не забудешь вот так сразу? Вообще-то, ты довольно меткий. Болит рука?

— Нет. Нет, слушай, я не хочу курить. Я вообще стараюсь бросить. Вроде как. Ну, снова.

— Окей. Захватишь кое-что? Там по мелочи: она вчера делала мясную пасту и пироги. Переживает, что ты не ешь нормально среди своих коробок.

Я съехал от Марты на квартиру почти месяц назад и с тех пор питался чипсами и всем, на что можно намазать масло, так что кивнул, подхватил пакет и пошёл, стараясь не вдыхать табачный дым и игнорировать очертания блока сигарет на дне сумки — такие же пачки сестра клеила на фабрике трижды в неделю.

В подземном переходе цыгане играли отрывок из «Звуков музыки». В носу засвербело от многочисленных запахов, оседающих на прохожих. Три картонные лавки с одеколонами и настойками, специями и пряностями подпирали друг друга, и их хозяева сидели кругом, споря на незнакомых мне языках. На поверхно-

сти всё было иначе: выбеленный торговый центр, новенький, с панорамными окнами и железными ногами-колоннами, и его зарождающийся придаток — выхолощенный стерильный парк с хорошей дорожкой и лавочками для курящих. Всё это возведено было ещё фрагментарно, но даже небольшие кусочки комплекса контрастировали с тем, чем на самом деле всегда был наш город.

Внутри здания пусто. Несколько человек пытаются найти мелочь, чтобы взять тележку в огромном универмаге на первом этаже, подростки смеются над рекламой с полуголой пышной дамой, фокусник у центральной лестницы извлекает из шляпы бутылку витаминизированной воды и предлагает дегустацию редким гостям вроде меня. Немые коридоры залиты светом и музыкой без мотива, начала и конца. Я беру у человека в фиолетовом искусственном бархате подарочный напёрсток с водой и бреду наверх.

— Вода — это жизнь, а жизнь — это чудо!

Его радостный крик сливается с мелодией, а я начинаю замечать, куда иду, только в коридоре мужского туалета.

Несколько минут я стою, вглядываясь в отражение. Вода уходит медленно, и моё лицо покачивается на её поверхности, выгляда без подробностей привлекательнее. Мне тридцать лет. Месяц назад я впервые нашёл нормальную работу и съехал от сестры. Я пытаюсь завести хобби. Я молодец.

За спиной что-то чиркает по полу. Тонкий металлический лязг заставляет встрепенуться и обвести взглядом длинное, узкое царство хромированных автоматических кранов. Все кабинки закрыты на техническое обслуживание. Кроме последней. Не надолго в музыке появляется некое подобие ритма, и я вторю ему, хлопая по бедру, машинально пританцовывая и неспешно подбираясь к приоткрытой двери. Последний раз, сидя в торговом центре, я курил и совершенно не знал, что делать со своей жизнью. Хорошо, что всё, что в ней есть, — временно. Я улыбаюсь этой мысли и вдыхаю невыносимо резкий запах, наверняка носящий название «Океанический бриз». Толкаю гигантскую серую дверь и наступаю в липкую, вязкую лужу крови.

— Чёрт.

Мы говорим это одновременно — я и пожилой мужчина, пытающийся подкурить здоровой рукой.

ГЛАВА II

Я дал ему около семидесяти, но то, что он воспринял это как комплимент, означало, что я точно чуть-чуть ошибся. От попыток позвать на помощь он меня предостерёг, вежливо сообщив, что сделает всё, чтобы истечь кровью, если я побегу за врачами.

— Ненавижу докторов. Про них говорить плохо нельзя, а я буду. Они не хлеб и не покойники.

Иногда его интонации и манера речи казались мне детско-капризными, но я удивительно быстро адаптировался, оперативнее, чем обычно, принимал решения и впервые за долгое время почувствовал себя полезным, вложив в его губы сигарету и остановив кровь.

— Кажется, я очень вовремя... Не вертитесь.

— Добавьте это в ваше резюме. — Он попытался отнять руку и со вздохом вернул её обратно. — Если бы молодые люди больше работали и меньше ходили по магазинам, сегодня я бы преуспел.

Оказалось, что петлица его костюма была украшена небольшим бумажным цветком — розой из чего-то наподобие салфетки. Такие иногда учат складывать бармены, развлекая и вас, и себя в полупустых заведениях. Я хотел поправить её, но старик неожиданно схватил меня за руку. Он озорно улыбался, и весь его образ был сродни образу доброго волшебника, которому предстояло научить неразумного ребёнка (очевидно, меня) чему-то важному.

— Э, нет. Не сейчас.

Мы посмотрели друг другу в глаза, помолчали, и я достал пачку со дна сумки.

— Вижу, вы готовы платить за информацию. Хорошо. Справа, как выйдете из кабинки, стоит ведро, в нём — швабра. Вытрите кровь, вылейте всё в унитаз, смойте несколько раз и возвращайтесь. И налейте мне немного воды: губы у стариков сухие, как бумага.

— А когда умирали, просили только сигарету и воду.

— Милый мой друг... — Он осмотрел себя, вглядываясь в застывающую кровавую лужу, и пригладил волосы. — Вы хоть раз получали именно то, что вам обещали?

Вода уходила медленно, и на простую уборку я потратил не меньше получаса. За это время нас посетила только одна женщина. Она обругала меня из-за закрытого женского туалета и запаха сигарет, сообщила, что в двух кабинках нет бумаги, сняла таблички «Техобслуживание» и поинтересовалась, не собираюсь ли я выйти на время, которое она проведёт в уборной. К счастью, её так возмутил ответ, что вскоре мы со стариком остались одни. Подбодрённый этим успехом, я быстро разделался с остатками кровавых разводов.

Теперь почти ничто не выдавало нашего присутствия: музыка заглушала голоса, вытяжка жадно втягивала дым, пол блестел, а бурая вода почти ушла в канализацию. Я прополоскал рот, достал сигарету и заложил её за ухо, готовясь к исповеди уникального, в масштабах моей жизни, человека — живого самоубийцы. Но он не торопился.

— Итак... Как вы оказались здесь? Если у вас нет планов на этот чудесный вечер, я готов слушать и обещаю не перебивать.

Буду честен: я, дрожащий от адреналина, надеялся начать разговор резко, смело, как срываются с места гонщики — с гарью и визгом шин, но получалось то, что получалось.

— Я когда-то тоже был таким. Наговатым и глуповатым. Это помогает прожить яркую жизнь. — Он протянул мне зажигалку. — Но слушать и не перебивать — это, пожалуй, уже неплохо.

Старик молча ощупал больную руку.

— Просто у меня нет дома. Я не бомж, не думайте — я живу в пансионате. Одна из учениц, Лиза, устроила меня и опекала последние лет... достаточно, чтобы я старел счастливо. Там

за тобой постоянно приглядывают. Не как в тюрьме, но всё-таки навязчиво. Развлекают, кормят, знакомят с другими такими же. Как школьника, снова приучают к лёгкому труду: полить дерево, нарвать яблок... Неплохо, но я индивидуалист. И эта жизнь с незнакомцами нелегко мне даётся. А она хорошая девушка. Я не хотел расстраивать её этим... поступком. Так я бы исчез, хозяева торгового центра тихо вывезли бы меня за город и она никогда не узнала бы наверняка, что со мной стало.

— Понимаю.

Я выждал немного и закурил. Лёгкое головокружение от первой за долгое время сигареты заставило опереться на дверь кабинки. Я медленно произнёс:

— И вы решили просто сдать? «Мы приходим в этот мир одни и уходим в одиночестве» — всё так?

— Хватит цитировать популярные книжки. Ничего не так.

Он наклонился ко мне, и я разобрал за запахом дыма свежие ноты его одеклона. Этот человек производил впечатление совершенно противоречивое: предполагая, что его вывезут на свалку, как старый диван, он надушился и явно надел лучший костюм.

— Вы слышали о Тенях? Так вот, я устал от них.

Я разом протрезвел, избавился от окурка и попытался сесть как можно прямее. О чём он говорит? Тени — это если и не сказки, то давно забытые, вымершие ящеры древнего мира, на ядовитых останках которого мы отстраиваем своё среднепаршивое настоящее. Я сижу на кафельном полу в туалете торгового центра с ненормальным. Показательный фрагмент моей жизни. Так мне и надо.

Мой собеседник явно забавлялся. Не отводя от меня внимательного, насмешливого взгляда, он нашарил за бачком небольшой саквояж и, как избавляются от пистолета в старых фильмах, не опуская глаз, подтолкнул его ко мне.

— Откройте. Вам же нужны ответы. Даже если сейчас кажется, что я чокнутый.

Я действовал как под гипнозом. Думаю, настоящему мне, моей детской, нетронутой знанием о «правильном» части хотелось открыть эту сумку больше всего на свете. Она была обещанием приключения и горела в руках как тысячелетний артефакт.

— Ну же! Это не Грааль и не девушка. Открывайте смелее. И я открыл.

Несколько карточек из отелей, фотографии мужчин и женщин — одни с подписями, другие без. Пожелтевшие листы бумаги с текстом, набранным на пишущей машинке и реже — написанным от руки. Не подумайте, я не ждал ничего удивительного, но всё-таки почувствовал, что слегка разочарован.

— Ваши мемуары? Сказки?

Старик молчал и смотрел на меня, оставаясь совершенно спокойным. Это пугало и подбешивало одновременно.

— Может быть, вы позабытый нашим поколением писатель, уставший от жизни недооценённый гений? И это такая жутковатая игра: ждать того, кто захочет помочь, и заставить его прочесть все эти истории...

— ...угрожая самоубийством. Вы привыкли к роли незадачливого бедолаги, верно?

«Да кто же ты такой?»

— Верно.

— Но сегодня вы, очевидно, герой.

Он вытащил ёршик из держателя, аккуратно обстучал его о стенки унитаза и отложил, соорудив из ёмкости для воды пельницу.

— Вы почти без колебаний помогли старику, порвали на нём очень хорошую рубашку, предотвратили самоубийство. В общем, неплохой рост за какой-то час. И теперь я вас слушаю.

Он — меня. Справедливо. Это я продолжаю сидеть на полу, вдыхать сигаретный дух и тарашиться по сторонам, как инопланетянин. Мой выбор — оставаться здесь, значит, мой ход. Что ж.

— Я заметил, что эти тексты набраны на разных пишущих машинках. Одна плохо печатает букву Р, другая — буквы Я и Л, третья мажет. Кто автор этих рассказов?

— Автор — жизнь, печатал — я. Как правило. Последний пару лет назад набирала ученица. Я быстро устаю, зрение село.

— У вас есть пишущая машинка? Это же настоящая древность!

— Была. Когда Лиза закончила, мы отдали машинку музею пансионата. Вы постарались быть наблюдательным — это похвально. Но заходите чересчур издалека. Мы уже коснулись центральной темы. Поверьте тому, что слышите.

— Тени? Меня пугали ими в детстве. Мать говорила, что они приходят за плохими ребятами и мучают их, пока те не исправятся.

Старик хохотнул, и почему-то мне стало страшно.

— Тени не ходят за теми, кто выпил за гаражами или поставил капкан в лесу. Несправедливость в том, что они являются к тем, кто может раскаяться. Кто пытался и не преуспел. Кто наблюдал и сочувствовал, но не нашёл чем помочь. Или струсил. Кто дорожит воспоминаниями настолько, что позволяет мучить себя снова и снова. Кто согласен проводить вечер за вечером в кошмаре, лишь бы ещё раз коснуться. Услышать голос. Прожить момент.

Он говорил, и я видел. Смотрел поверх его седой головы и видел последние прикосновения, опоздавшие поезда, разорванные письма, забытые обещания. Века неслучившихся встреч пролетали передо мной как чужие воспоминания, которые вдруг начинаешь принимать за собственные.

— И что здесь? Чьи это истории? — Я приосанился, изображая делового человека, но голос у меня дрожал от возбуждения и страха.

— Тех, кто был мне дорог. И их Теней. Сейчас мне не стыдно разделить правду с посторонним: все, кто живёт на этих страницах, давно ушли. Может быть, за одним исключением.

Он вдруг как будто потерял терпение, вытащил из моей пачки новую сигарету и нервно поскрёб лоб:

— Вы будете читать или нет?

— С какой следует начать?

Я перетасовывал листы, как карты, пытаюсь занять беспокойные руки. Дыхание перехватывало, как перед прыжком с большой высоты.

— Вот, держите. Они все подписаны. Рад бы забыть порядок. Вам нужен «Электроалкоголь».

Я кивнул как болванчик, совершенно не понимая значения последнего слова.

— Не самое лёгкое чтиво. Сигарету?

Я снова кивнул. Немедля.

Электроалкоголь

— Это у тебя что?

Она придвинулась к нему, потирая опухшие красноватые руки в дырявых серых перчатках.

— Отменное божоле нуво две тысячи шестьдесят третьего года.

Он улыбнулся, поскрёб щёку и протянул ей трубку:

— Почему бы тебе сегодня не угоститься у меня? Мне уже неловко, держи.

— Если две тысячи шестьдесят третьего, то уже и не божоле, и не нуво. Нуво — это молодое вино, и ему должно быть шесть недель, а не шестьдесят лет. Где ты достал это?

— В том квартале замерзал один человек, я смог обменять свой шерстяной жилет на его трубку.

Она задумчиво причмокнула, натянула повыше горловину свитера и протянула руку.

— Ты этот жилет вязал полсезона, неужели это твоё божоле того стоит?

Он помолчал. Девушка взяла с его ладони трубку, немного потрясла её, прислушиваясь к шороху.

— Гранулы крупные. Уже свалялись. Креплёное выйдет, градусов на восемнадцать. Давай, твоё здоровье!

Она поднесла трубку ко рту и резко вдохнула. Он всегда смотрел за ней с любопытством: за неполные тридцать лет он не видел никого, кто вдыхал так. С такой жадностью и отрешённостью одновременно.

Девушка зашлась кашлем, опёршись на землю, попутно пытаясь закинуть трубку ему в карман.

— Ирен? — Мужчина выдержал паузу. — Ирен, вчера в комиссионке работал телевизор. Врачи говорят, чёртов порошок вызывает отёк лёгких. И на желудок влияет, на глотку, буквально облепляет нас изнутри. Я не поверил. Не подумал...

— Врачи? — Она хрипло засмеялась. — Это что за мажорная комиссионка, в которой могут себе позволить медицинский канал?